

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

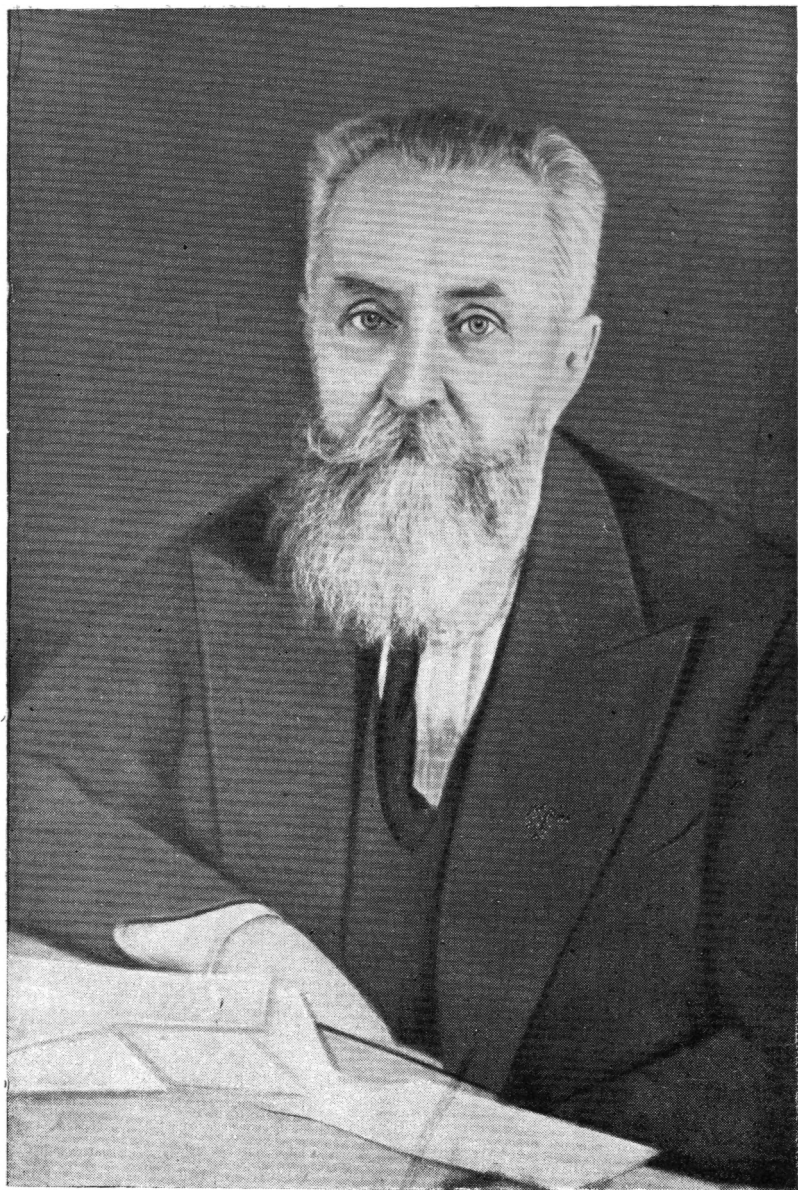
IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

Редакционная коллегия

академик *В. В. Струве* (ответственный редактор), академик *В. М. Алексеев*, *В. И. Беляев*

Игнатий Юлианович Крачковский

***СБОРНИК В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА
ИГНАТИЯ ЮЛИАНОВИЧА КРАЧКОВСКОГО
К 40-ЛЕТИЮ ЕГО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ***

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том „Советского востоковедения“ является сборником статей, посвященных академику И. Ю. Крачковскому к сорокалетию его научной деятельности.

Ввиду того, что в Редакцию поступило большое число статей, сборник пришлось разбить на две части. В первой части, публикуемой в настоящем, четвертом, томе „Советского востоковедения“ включены статьи сверстников И. Ю. Крачковского и некоторых из его непосредственных учеников. Вторая часть, которая будет заключать все остальные статьи, составит один из последующих томов „Советского востоковедения“.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПОСВЯЩЕНИЕ

В этом дорогом нам сборнике мы, люди, в сущности, весьма различных специальностей (как бы ни старались нас втиснуть в одну „восточную“ специальность неосведомленные люди), объединились с исключительным подъемом и радостью, чтобы отметить редкую дату ученого совершенно особого типа, каковым всем нам представляется Игнатий Юлианович Крачковский. Это наше настроение вызывается уверенным предчувствием радости (тоже не из обыкновенных) отдать ему на суждение и оценку свои статьи, которые он, несомненно, прочтет и оценит, как он всегда читает все востоковедное, являясь исключительным примером востоковеда необычного диапазона, охватывающего всю нашу науку в целом, как бы ни подходить к ней в свете современных расчленений и специализаций. Таким образом, мы все убеждены, что так или иначе мы входим с ним в научное соприкосновение и что он-то и есть наш лучший читатель и ценитель каждого из нас. Ведь среди нас есть кому вспомнить, как 30 лет тому назад диссертация китаиста была впервые им, арабистом, во всех подробностях разобрана и оценена, задолго до оценок ближайших специалистов и неизмеримо лучше их. Может ли теперь тот же самый китаист не предвкушать заранее счастья беседы с Игнатием Юлиановичем по поводу посвящаемой ему здесь статьи, содержащей в себе перевод и осмысление самой эсotericической из всех возможных поэмы о китайском каллиграфе?

Предоставляя более квалифицированным почитателям талантов Игнатия Юлиановича охарактеризовать их подробно и достойно, взять его в диапазоне настоящего мирового ученого, т. е. не только известного всем арабистам всех стран, но и всем гуманитарам мира, в качестве достойнейшего представителя советской науки, ученого, всюю своею эрудицией и личностью противопоставившего себя понятию об узком ученом ориенталисте, я воспользуюсь этим предисловием, чтобы попытаться превратить его в посвящение и, минуя биографический рассказ, охарактеризовать Игнатия Юлиановича, как личность, с которою тесно связана и моя жизнь, и жизнь некоторых других из его современников, которые, наверное (я это знаю), ко мне присоединятся.

И я вспоминаю, как 45 лет тому назад всеобщее внимание студентов-восточников Факультета восточных языков С.-Петербургского уни-

верситета приковал к себе скромный и чрезвычайно благообразный юноша, о котором однокурсники, а за ними и все прочие рассказывали, как о студенте с необыкновенной культурной подготовкой, с необыкновенным умением работать, все понимать, во всем разбираться и быстро идти вперед. Живя среди нас в общежитии студентов университета, где легкомыслие и бесшабашность едва ли не были наиболее частым типом жизни, молодой студент, без всяких аффектаций и борьбы с ветряными мельницами держал свой строгий курс на все то лучшее, что он так талантливо описал в своей последней книжке „Над арабскими рукописями“. Вот человек, который сам себе был лоцманом, в своих лоциях никогда не ошибаясь! Он был, ведь, единственным студентом (думаю, что это так), который, несмотря на то, что его усердно приглашали ориентироваться то на дипломатическую службу, то на административную, взял лоцию историко-филологической науки и превратился в настоящего филолога, среди всех нас прочих, полу-юристов, полу-восточников, часто совершенно неопределившихся людей. Студенческая жизнь Игнатия Юлиановича — сплошное научное вдохновение, согретое его учителями, быстро превратившимися в друзей его и почитателей. Он был не только их слушателем, но и настоящим учеником, общающимся с ними и в жизни и в науке; и так отличался он от тех прочих, которые, читая и слушая чтение восточных текстов, порцию за порцией, подавали на экзамене прочитанное и усвоенное ими по минимальной и твердой программе, в чаянии диплома, который редким из них сулил дипломатическую или административную службу на Востоке, а большинству — провинциальное чеховское прозябание, с полным забвением и пренебрежением к былой „науке“! Живя напряженною научною жизнью с первых же шагов своего студенчества, Игнатий Юлианович был достойнейшим учеником своих достойнейших учителей — В. Р. Розена, В. В. Бартольда, П. К. Кокорцова, А. Э. Шмидта (говоря пока только о востоковедах), обеспечивших ему научную адекватность, без всяких добавочных поездок за научным вдохновением и за научною тренировкой в Европу. И действительно, он стал известен всем арабистам и другим востоковедам Европы не как ученик, а как полноправный ученый, использовавший свою корреспонденцию, как редко кто из нас. Вообще, работ начинающего, работ детских у Игнатия Юлиановича нет: он не из тех, кто сначала пишет худо, и затем всю жизнь, в зависимости от темперамента, то хватается за голову, то с конфузом извиняется, да и сам себе извиняет *manentia scripta*. Чувство научного „как следует“ ему, повидимому, никогда не изменяло: оно, очевидно, ему прирождено, и он вышел из студенчества готовым ученым уже европейского типа, и когда представил диссертацию (1914), то его „оппоненты“ могли только (как берусь свидетельствовать я сам, присутствовавший на „диспуте“) петь ему дифирамбы, и сами сконфузились, не дав ему вместо магистра доктора.

Вступив в факультет приват-доцентом с обязательными курсами, Игнатий Юлианович был уже вполне сложившимся профессором, что было признано факультетом, избравшим его своим секретарем, вопреки уставу и обыкновению, требовавшему от секретаря профессорского звания.

Будучи сам как бы воплощенным резюме всего лучшего, что дали ему наиболее достойные факультетские учителя, Игнатий Юлианович сразу же занял достойное место среди этих самых учителей и сразу же начал создавать свою школу, ту школу, которая никогда не имела конкурентов и была у нас единственной.

Что сказать о влиянии Игнатия Юлиановича на своих учеников? Ведь трудно указать какие-либо аналогичные примеры, где понятие учителя было бы столь всепоглощающим и самоотверженным. Сюда входила вся психологическая гамма этих сложных отношений, начинающихся с поощрения тех, кто еще намечает себе специальность, и заканчивающихся (если только о каком-либо конце может идти в этом смысле речь) направительною и редакторскою (также со всею градацией этого «редакторства») помощью.

Однако центр деятельности Игнатия Юлиановича переместился в Академию Наук, и это было задолго до его избрания в действительные члены АН в 1921 г.¹ Он был самым деятельным сотрудником б. Азиатского музея и, затем, его наследника, Института востоковедения. Ни один из сотрудников ИВ никогда не умел так научно поставить коллективную исследовательскую работу, как Игнатий Юлианович. Всякая наиболее научная инициатива и всякое наилучшее исполнение работы такого порядка непременно связаны с ним, причем в масштабах не только кабинетских, но и внеакадемических, мировых. Кто не знает о работах над арабскими географами, над текстами Шамиля, над историей арабской литературы, над серией „Горький на Востоке“, в которой статья Игнатия Юлиановича является, как всегда, исключительною и ни с чем несравнимою; над био-библиографическим словарем арабистов, который является шедевром создателя блестящей школы. Затем, создать среди часто инертной массы арабистов, молодых и старых, грандиозную их ассоциацию, блещущую своею исключительною деятельностью, мог только Игнатий Юлианович, который, будучи умелым лоцманом своего личного корабля, дает не менее точные, верные лоции и другим. Итак, всем и во всем давая пример, всегда на своем посту, здоровый или даже больной, без всяких самопослаблений, и снисходительный только к другим, он вел свои занятия в ИВ и университете под бомбами захватчиков в 1941 и 1942 гг. в Ленинграде, где, кроме всего прочего, он же сам рубил и носил дрова, доставал воду из проруби, страдал от голода и жесто-

---

¹ 9 ноября 1946 г. мы с восторгом отметили, как могли, его редкий юбилей 25-летней деятельности в звании академика.

кого холода, подвижнически охраняя научные ценности Ленинграда и достоинство его научных коллективов (что и было отмечено впоследствии высшею правительственной наградой).

Полносочная деятельность всегда отмечала Игнатия Юлиановича среди всех прочих его коллег и в других объединениях и обществах. Доклад, построенный на акрибических, неопровержимых данных, к которым обычно нечего добавить, — вот самое частое и обычное для Игнатия Юлиановича явление, например, в 6. „Восточном отделении И. Русского археологического общества,“ в 6. „Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН“ и др., когда он выступал в них, наполняя затем знаменитые „Записки“ (Zapiski) этого объединения ориенталистов Ленинграда на 50% своими статьями. Самые значительные вклады ориенталистов в науку географии делаются никем иным, как Игнатием Юлиановичем. Наилучшие экспертизы (для отдачи в перевод) литератур на 26 языках мира во „Всемирной литературе“, руководимой в свое время М. Горьким, а также наилучшая востоковедная, переводческая и научная, продукция в этом издательстве принадлежали, конечно, только ему.

Итак, мы в этом сборнике отдаем дань любви и уважения тому, кого считаем одним из самых замечательных ученых нашей страны и нашей эпохи, во всей жизни которого никогда не было кривых линий; который сам себя, особым порядком, воспитал в научной твердости, точности, веской и устойчивой критике, в научном благородстве и безупречности. Обозревая продукцию Игнатия Юлиановича, как печатную, так и готовую к печати, а также находящуюся в той или иной рабочей стадии, можно лишь изумиться несоответствию прожитых им в научной работе (хотя и долгих, в общем) лет ее огромному объему, которого хватило бы на несколько жизней, ибо, несомненно, Игнатий Юлианович принадлежит к числу могикан нашей ориенталистики (Бартольд, Коковцов, Щербатской). Чего стоит один только его перевод Корана, который, вероятно, нашел только в нем своего полного изъяснителя! Ничтожную часть целого являются, вероятно, и новоарабские писатели, вышедшие в свет, по сравнению с находящимися без конца в его бездонных портфелях! Хотя Игнатий Юлианович и был провозглашен в особом заграничном юбилейном издании лидером и самым крупным историком новоарабской литературы, но это, повидимому, следует распространить и на всю прочую арабистику. Среди нас живет и процветает самый крупный советский и мировой арабист, которым наша страна может только гордиться. Ряд заграничных академий, в том числе и Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland избрали его в почетные члены.

Трудно найти среди нас равного Игнатию Юлиановичу не только в арабистике, но и в востоковедении вообще. Не говоря уже о его полиглотстве, полиглотстве наилучшего закала и высшей формации, выражающемся в прекрасном знании 26 языков Востока и Запада (количество, среди нас неслыханное), его надо охарактеризовать, как исключительного

по своему диапазону ориенталиста, который, наряду с языками, интересуется всею гуманитарною наукой Востока и Запада. Тот, кто слышал его выступления на докладах различных ориенталистов и европеистов, тот знает, каким внимательным на докладах и деятельным — в отличие от многих других — является его участие, выражающееся в ценных репликах и добавлениях, всегда новых и оригинальных. Он всегда в курсе всех наших гуманитарных дел, и лингвистических, и исторических, и литературоведческих; он читает всю нашу продукцию; полагаю, что это обстоятельство следует отметить, как редкое, ибо обычный тип ориенталиста — это узкий специалист, замкнутый в узком кругу своих текстов, читающий только то, „в чем он разбирается“, и игнорирующий все прочее. Наш лучший читатель, Игнатий Юлианович, в то же время, и этим самым — наш лучший друг, никогда не знавший никаких других к нам отношений, кроме научной правды и научного чувства, которое у него развито чрезвычайно сильно: он никогда не позволяет себе снижаться до личных пересудов и мелочей, которые столь часто загромаждают жизнь ученых обывателей, эрудитов-левиафанов за своим рабочим столом и пигмеев вне его.

Игнатий Юлианович — исключительный товарищ, строгий и верный друг: его совести можно себя доверить и вручить. Это исключительный собеседник, умеющий дослушать вас до конца, иногда с героическим терпением, и затем высказаться кратко, ясно и определенно. Его обстоятельность, остроумие и юмор могут только восхищать. Его эпистолярный стиль, будучи всегда совершенно открытым и искренним, остается, тем не менее, безукоризненно литературным, сохраняющим в общем стиле свой стиль, с личными особенностями, вплоть до поговорок, избланных максим, явно чувствуемой акцентуации и даже как бы слышимой адресатом интонации.

Игнатий Юлианович — человек неуклонной, неумолимой принципиальности, не знающий компромиссов с совестью, человек необыкновенно чуткий и деликатный, которого, однако, никто не упрекнет в слабости, хотя бы минутной, и в потакании тем, кто готов использовать чужую слабость в своих интересах. Он верен своему слову и обещанию; он точен и аккуратен во всех статьях своей жизни, но без аффектации, мелочности, нотабен и придиристичности; он старается не заслонять собою окружающих.

Игнатий Юлианович — самый радушный и гостеприимный хозяин, умеющий окружить гостя сосредоточенным, искренним и глубоко трогаящим вниманием; он добрый и сердечный человек, готовый и умеющий помочь словом и делом. Он — самозабвенный музыкант, знающий и понимающий высокую и глубокую музыку. Очарование некоторых мелодий чувствуется его собеседником в необычных порой тембрах его мерной и твердой речи: этот человек умеет мечтать и чувствовать!

Патриот своей Родины Игнатий Юлианович с честью и славой служит своей стране, своему народу. Советское правительство высоко оценило его научные заслуги: грудь его украшают два ордена Ленина.

Итак, вот кому мы посвящаем, как умеем, свои труды последних лет! Пусть дорогой наш юбиляр прочтет их и одобрит! И пусть будут, наконец, напечатаны непростительные залежи его собственных многочисленных трудов в ряде сборников, не меньших по размерам и, конечно более значительных по научному достоинству, чем этот наш скромный сборник!

Vivat, prosperet, laboret,
gaudeatque, floreatque,
et nos amet admirantes
Illustrissimus Collega,

Игнатий Юлианович Крачковский!

Ленинград, 15 января 1947 г.

В. Алексеев.
